

Много странных типов

Рассказы пограничной
Монтаны



Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Шульц

Много странных типов

«Автор»

2026

Шульц Д. У.

Много странных типов / Д. У. Шульц — «Автор», 2026

Сборник рассказов, опубликованных в разное время в периодической печати, и посвящённый белым жителям пограничной в то время Монтаны - охотникам, трапперам, разведчикам, лесорубам.

© Шульц Д. У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление редактора	5
Волчатники с Орлиного ручья	9
II	14
III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джеймс Шульц

Много странных типов

Вступление редактора

Во мне зародилась любовь к дикой жизни и приключениям. Как я ненавидел удобства и условности общества; с самой ранней юности я был счастлив только в большом лесу, который лежал к северу от моего дома, вдали от церковных и школьных колоколов и свистящих паровозов. Мои визиты в эти величественные старые леса были вынужденно краткими, только во время летних и зимних каникул. Но настал день, когда я мог ездить, куда и когда захочу, и однажды тёплым апрельским утром давным-давно я покинул Сент-Луис на пароходе по реке Миссури, направляюсь на Дальний Запад... в страну моих мечтаний и устремлений.

Этими словами Джеймс Уиллард Шульц начал свою знаменитую автобиографию «Моя индейская жизнь». Это рассказ о молодом человеке, которого раздражали правила его жизни в маленьком городке на севере штата Нью-Йорк, и который мечтал ощутить вкус свободы на границе. Вдохновленный дневниками Льюиса и Кларка и письмами Джорджа Кэтлина, Джеймс Уиллард Шульц поднялся на борт парохода на реке Миссури весной 1877 года. В его распоряжении было рекомендательное письмо к известному человеку из Монтаны, торговцу с индейцами по имени Джозеф Кипп, сыну способного сотрудника Американской Мехающей компании, Джеймса Киппа. Высадившись в форте Бентон, Джозеф Кипп взял под своё крыло молодого искателя приключений; вместе они последовали за индейцами-черноногими, которые кочевали вслед за стадами бизонов.

Находясь в безопасности торгового лагеря Киппа (отец Киппа много лет торговал с черноногими, а его мать была дочерью уважаемого вождя манданов), юный Шульц близко познакомился с обычаями индейцев. Подробности о жизни в их лагерях, тонкости общественных отношений индейцев, военном искусстве индейцев, повадки животных, на которых они охотились, стратегии охоты – эти и многие другие аспекты жизни черноногих были запечатлены в дневнике его памяти. Хотя родственники в Нью-Йорке с презрением отнеслись к его стремлению покорить эти новые горизонты, Джеймс Уиллард Шульц всем своим существом знал, что выбрал верный курс. Его приверженность этому делу была подтверждена женитьбой на Женщине Красивый Щит (Натаки), красивой молодой женщине из племени черноногих.

После исчезновения бизонов в 1883 году Шульц а его жена поселилась в резервации черноногих на севере Монтаны. Шульц не проявлял особого рвения к управлению своим маленьким ранчо. Он предпочитал тратить свое время и силы на то, чтобы быть проводником охотничьих и исследовательских отрядов в труднопроходимых горах, которые граничили с резервацией на западе. Именно во время одной из таких экспедиций у него завязалась дружба с известным писателем, защитником природы и защитником индейцев Джорджем Бёрдом Гриннеллом, которая продлилась всю жизнь. Гриннелл пригласил Шульца присылать рассказы о дикой, свободной жизни на границе северных равнин для своего популярного журнала об отдыхе на природе «Поле и ручей». Шульц с готовностью согласился на это, и читатели периодического издания Гриннелла два десятилетия получали увлекательные истории об индейцах и жителях приграничья. Однако в личной жизни Шульца в 1903 году произошла трагедия – скончалась его любимая жена. «В течение одиннадцати месяцев мы делали всё, что могли, и вот однажды моя верная, любящая, добросердечная маленькая женщина ушла из жизни и оставила меня. Днем я думаю о ней, а ночью она мне снится».

Вскоре после смерти своей жены Шульц был обвинён в нарушении правил охоты, что побудило его покинуть Монтану. Он бежал в Калифорнию. Хотя государственный департа-

мент охраны природы и рыболовства штата Монтана довольно уничижительно утверждал, что в Калифорнии «он жил в роскоши, у него было много денег на «вино, женщин и песни», и при этом он практически не работал», Шульц продолжал страдать из-за потери жены. Именно в таком несколько расстроенном состоянии Шульц написал то, что многие считают его лучшим произведением – «Моя индейская жизнь». Наставник Шульца, Джордж Бёрд Гриннелл, похвалил книгу за то, что она представляет «необычайный интерес как человеческий документ... Автор проник за завесу расового безразличия и непонимания и приблизился к сердцу людей, о которых он пишет». Такой высокой оценки, откровенно говоря, достаивались немногие работы того времени.

Работая в Калифорнии рекламным агентом нефтяной компании, Шульц сосредоточился на своем истинном призвании – писательстве. Успех автобиографии побудил его написать еще больше историй о жизни среди черноногих индейцев, многие из них были впервые опубликованы в молодёжных журналах, а затем переизданы в виде книг. Его популярность стремительно росла, и как только выходила одна книга, он начинал новую. К моменту его смерти в 1947 году на его счету было тридцать семь книг. Настоящее издание является четвёртой посмертной антологией.

В 1907 году Шульц женился на Селии Б. Хокинс. Вскоре стало очевидно, что у него так и не появилось с ней той эмоциональной связи, которая была у него с Женщиной Красивым Щитом. Его второй жене не нравился его интерес к черноногим, и она очень неодобрительно относилась к его творчеству. Как откровенно выразился один из близких друзей: «Сама по себе Селия Шульц была замечательным, очень приятным человеком, но как жена Апикуни (так черноногие называли Шульца), это был очень неудачный выбор... Со всех сторон, это был неудачный брак». В конечном итоге он закончился разводом.

По мере того как известность Шульца как писателя росла, он расширял круг своих друзей, включая других писателей и художников: Стюарта Эдварда Уайта, Эмерсона Хью, Эноса Миллса, Чарльза Рассела, Юджина Манлава Родса, Уоллеса Коберна, Эдварда С. Кертиса. Шульц не только общался с ними, но и заручился их поддержкой в своем долгом крестовом походе по защите прав индейцев. Их целями, как выразился друг Шульца Гарри К. Джеймс, были «положить конец нечестным схемам распределения земель, решить проблему голода в резервации черноногих, защитить права индейцев на землю и воду и, конечно, проследить за тем, чтобы у индейцев было право придерживаться собственной религии». Жизнь Шульца была живым свидетельством его убежденности в том, что американские индейцы заслуживают большего уважения, чем они на деле имеют со стороны белых. Для Шульца индейцы никогда не были просто источником его литературного успеха.

В конце 1920-х годов Шульц познакомился с сотрудницей факультета университета штата Монтана Джессикой Луизой Дональдсон. Она разделяла интерес Шульца к индейцам и его заботу о них, и они вместе написали книгу «Дети Бога-Солнца» – краткую историю конфедерации черноногих. Вскоре после этого их взаимный интерес завершился браком. Джессика Шульц, всегда бывшая его спутницей и сторонницей, делала всё, что было в её силах, чтобы помочь мужу завершить работу над следующими шестью книгами. Она оставалась с ним до его смерти в 1947 году. На протяжении всей своей жизни Шульц не верил в загробную жизнь, но его пожилые друзья-черноногие, которые присутствовали на его похоронах в резервации черноногих, сказали Джессике Шульц, что этот белый человек был другим: «Он отправился в Песчаные Холмы со своими старыми друзьями-воинами, и там они вместе будут охотиться на бизонов – тени бизонов в стране теней».

Успех Джеймса Уилларда Шульца как писателя был обусловлен главным образом его драматическим и проникательным отношением к индейцам-черноногим. Кто, например, мог бы прочесть «Апок, зазыватель бизонов», не уловив священных отношений между индейцами и бизонами и не ощутив мистической ауры, окружающей шамана, который мог заманить бизо-

нов в пискан? Мастерство Шульца в описании жизни индейцев получило широкое признание, но он получил меньшее признание за то, что столь же хорошо описал своих белых друзей на границе. Во время своих путешествий с Джозефом Киппом он проводил много времени на торговом посту, беседуя со странствующими белыми людьми. Во время своего пребывания в резервации черноногих он познакомился с другими белыми людьми, которые жили с индейцами, а затем остались среди них. Приключения и истории, которыми эти друзья поделились с Шульцем, он сохранил в своей памяти, чтобы потом использовать в своих рассказах. Цель этой книги – дать современному читателю представление об обратной стороне медали Шульца: о его белых друзьях.

В этой книге погонщик мулов Чарльз Бакнум рассказывает трогательную историю о гибели своего товарища по оружию во время ухода нез-персе в 1877 году. Читатель сможет узнать, как шериф округа Шуто Джонни Джей Хили выпутался из одной из своих опасных затей. Коллега Шульца по работе на границе и проводник Уильям Уивер рассказывает историю о побеге от индейцев и гризли. Томас Фаваль рассказывает, почему голодная зима в канадской глуши оставила неизгладимый след в его жизни. Разведчик-индеец Уильям Джексон рассказывает о случае, когда его с кем-то спутали во время одной из его опасных разведывательных миссий для генерала Терри кровавым летом 1876 года. Давний друг Шульца рассказывает о трагическом исходе попытки трёх лесорубов заработать на жизнь заготовкой дров для пароходов на реке Миссури в начале 1870-х годов. Эти и другие истории дают нам представление как о необычном, так и о обыденном в жизни людей, сыгравших свою роль в последних событиях западной границы.

Джеймс Уиллард Шульц творчески использовал жанр короткого рассказа для описания жизни своих приятелей – жителей равнин. Преподаватель словесности поставил бы ему высокие оценки за понимание сути короткого рассказа. В своих описаниях Шульц знакомит читателя с главными героями, временем и местом действия рассказа. Используя технику повествования от первого лица или всезнающего наблюдателя от третьего лица, Шульц развивает сюжет и доводит его до развязки. Его темы разнообразны, что и демонстрирует эта книга, варьируются от мужества, любви, ненависти и смерти к случайности, глупости и браваде.

Первая история из этого сборника – яркий пример мастерства Шульца. В «Волчатниках с Орлиного ручья» зримо показана картина неприветливых, но в то же время возвышенно красивых бесплодных земель у берегов реки Миссури. Описаны повадки диких животных этих мест, поскольку трое главных героев, будучи охотниками, а иногда и становящимися дичью, находились глубоко в стране индейцев-черноногих и должны были быть хорошо осведомлены о маршрутах диких животных и о том, что является причиной их перемещений. В общих чертах рассказывается о прошлом мужчин и их характерах, при этом используется местный диалект. Развивается интригующий сюжет, в котором главную роль играет медведь гризли. Наконец, ироническая развязка завершает эту историю.

Поскольку Шульц писал вещи как художественные, так и документальные, возникает вопрос – к какой категории следует отнести рассказы, вошедшие в эту антологию. Я убежден, что Шульц честно, насколько это было в его силах, описал приключения своих друзей. Такие литературные приемы, как диалоги, описание персонажей и хорошо структурированный сюжет были предназначены для того, чтобы улучшить восприятие и расширить читательскую аудиторию, а не ради самого вымысла. С несколькими главными героями этой книги случилось то, что было описано Шульцем, и это может быть подтверждено независимыми источниками. В рассказе «Облагаемый некоторыми налогами» Шульц рассказывает, как шерифу округа Шуто Джонни Дж. Хили, пытавшемуся собрать налоги с бродячей группы охотников на бизонов на Красной реке, понадобилась помощь армии США, чтобы сбежать из лагеря охотников, не желавших с ним сотрудничать. Письмо, которое сейчас хранится в Национальном архиве, было написано в 1882 году армейским капитаном, отправленным его вырывать, и под-

тверждает основные положения рассказа Шульца. Тем не менее, Шульц порой мог злоупотреблять своей литературной свободой. В последние годы жизни, например, он переписал историю волчатников с Орлиного ручья и поместил их на реке Йеллоустоун вместо Миссури.

Стиль письма Шульца не вызвал одобрения у ученых-историков. Когда большое значение имели точные сведения об именах, датах и местах, на труды Шульца полагаться нельзя. В чем можно быть уверенным – это в правдивости в описании взглядов, обычаев, религиозных верований, повседневной жизни и воспоминаний его друзей – индейцев и белых, которых он близко знал. Это он делал с непревзойденным мастерством. Нигде это различие между документальной и неофициальной историей не проявляется так отчетливо, как в работах Шульца, посвященных Бейкеровой резне. Эта военная акция, в ходе которой армия США в 1870 году нанесла ответный удар индейцам-черноногим за их спорадические столкновения с белыми поселенцами, хорошо задокументирована белыми. Только из-под пера Шульца мы узнаем о глубине конфликта, возмущении и горечи, которые он вызвал у черноногих. Только Шульц оставил нам ту часть истории, которую нельзя найти в военных отчетах и документах Конгресса. Короче говоря, Джеймс Уиллард Шульц был хорошим фольклористом.

Если и есть что-то общее в трудах Джеймса Уилларда Шульца, то это ностальгия по прошлому, которой проникнута большая часть его работ. В последнем абзаце книги «Почему минули эти времена?» он рассказывает о том, как вернулся навестить своих старых друзей-черноногих, с которыми он разбивал лагерь и охотился на бизонов до 1883 года. «Я навещаю их каждое лето, и, сидя вечером у костра в вигваме, мы вспоминаем о наших приключениях в те давние времена изобилия и счастья. А когда становится уже поздно, и мы расходимся по своим вигвамам, кто-то из нас, несомненно, начинает горевать: «Хайя! Нахктау, омик? О! Почему минули эти времена?»

Можно ли винить человека за то, что он предпочитает острые ощущения во время охоты на бизонов написанию рекламных материалов для нефтяной компании? После того как фронт перестал существовать, у американской публики возникла романтическая привязанность к нему, которая сохранилась до наших дней и даже окрепла. Джеймс Уиллард Шульц посвятил свою жизнь сохранению этого духа. В этом он преуспел.

Создание настоящей антологии относится к концу 1960-х – началу 1970-х годов. В то время я познакомился с «Черноногие и бизоны», сборником рассказов Шульца, составленным Китом С. Силом. Полагая, что в старых газетах и журналах может быть много интересных историй, которые могут остаться незамеченными, я обратился к таким периодическим изданиям, как «Прогулка», «Лес и ручей», а также «Грейт Фоллс Трибьюн». Мои поиски были вознаграждены. Индейские рассказы Шульца были опубликованы в книге «Почему минули эти времена?», а также его увлекательный рассказ о путешествиях по реке в «Плавании по Миссури». В некотором смысле эта книга завершает эту трилогию, и я выражаю огромную благодарность людям, которые помогли мне в этом проекте: моей жене Нэнси Митчелл Силлиман; библиотекарю отдела специальных собраний университета штата Монтана Минни По; профессору истории университета Монтаны Дуэйну Хэмптону; а также покойной Джессике Шульц (миссис Х. Л. Грэм).

Юджин Ли Салливан

Дир Лодж, Монтана

Волчатники с Орлиного ручья I

Много лет назад, во времена бизонов, трое охотников за волками, искавших подходящее место для зимовки и занятий своим ремеслом, решили обосноваться недалеко от устья Орлиного ручья. Этот ручеек, как известно старожилам, впадает в реку Миссури с севера примерно в пятидесяти милях ниже по течению от форта Бентон, Монтана. Тогда это место было, да и по сей день остается, одним из самых диких и живописных на Северо-Западе. Погрузив в плоскодонку достаточное количество припасов на зиму, все трое покинули форт Бентон в начале сентября, и в назначенное время, без особых усилий с их стороны, быстрое течение доставило их к месту назначения. Чуть ниже устья Орлиного ручья, на южном берегу реки, была узкая полоска земли, и там они построили хижину из зеленых бревен хлопкового дерева, перекрыв её жердями и засыпав слоем земли толщиной в несколько футов. В одном углу они соорудили широкий очаг из камней и глины, дымоход был сделан из того же материала и выступал достаточно высоко над крышей, чтобы обеспечить хорошую тягу. В целом, это была очень удобная хижина.

Прямо перед хижинной была узкая, но густая полоса зарослей хлопковых деревьев и ивы, защищавшая её от северного ветра и, кроме того, скрывавшая от зорких глаз любого военного отряда индейцев, который мог бы пройти вверх или вниз по долине. По крайней мере, охотники на это надеялись. Сразу за ней холмы, поросшие шалфеем, круто поднимались к подножию хмурых утёсов из песчаника, где заканчивалась великая равнина, лежащая между Йеллоустоном и Миссури. На протяжении многих миль вдоль этой части реки природа, кажется, сделала всё возможное, чтобы дать нам некоторое представление о могучих конвульсиях, которые много веков назад сотрясали наш старый мир.

Вот бесплодные земли – красные, желтые, черные и пепельно-серые, ил древнего озера, которое было до того, как поднялись горы; и сквозь него пробиваются тонкие полосы застывшей магмы, которые, остывая, раскололись на огромные прямоугольные блоки. Можно представить, что какой-то легендарный великан сложил их здесь; слой за слоем они лежат друг на друге, и выглядят так, словно это стены, возведенные руками человека, местами возвышаясь на сотни футов над кромкой воды. Многие из них расположены под прямым углом к долине, где они удерживают всю силу ветра и настолько тонки, что удивительно, как их еще не снесло этим ветром. Тут и там река обнажила старые потоки лавы, изогнутые, удвоенные и скрученные во всевозможные формы. Но самыми живописными, самыми завораживающими из всех являются сверкающие скалы из белого песчаника, которым ветер и непогода придали тысячи фантастических форм – замков и башен, греческих колонн и турецких минаретов – всё это здесь есть, и часто вдалеке вырисовывается белоснежный город, превосходящий красотой настоящий. Это странное, загадочное место.

После постройки хижины волчатникам не оставалось ничего другого, как только слоняться без дела и ждать наступления холодов, когда они могли бы начать охоту на волков. Из этих троих суровый Бен Андервуд и беспечный, счастливый Джек Фенн были старожилами, которые провели свою жизнь на равнинах. Третьим был писатель, тогда еще совсем юный и неопытный, которого окружающие называли «Писаккой», потому что он всегда проводил свободное время, сочиняя вещи, в которые ни одна восточная газетенка никогда бы не приняла и не напечатала. Они были хорошими, преданными друг другу людьми. Друзья, Джек и Бен, очень добры к Писаке, хотя и любили подшучивать над ним. Мир их теням; они уже давно вернулись к матери-земле.

На большом расстоянии выше и ниже устья Орлиного ручья было всего несколько мест, где дичь могла спуститься с равнин к реке, поскольку оба края долины были ограничены скалами. То тут, то там они обрывались или заканчивались крутыми голыми холмами, а местами их прорезали длинные глубокие каньоны. В таких местах бизоны, антилопы и олени веками спускались к реке и поднимались, возвращаясь на равнины, и протоптали множество тропинок, которые даже в сравнительно твердом песчанике были глубиной в несколько футов. Конечно, там, где бродила дичь, постоянно появлялись и волки, и именно поэтому охотники на волков обосновались именно там. Они считали, что одна-две отравленные приманки на каждой тропе дадут результат во много раз больше, чем если то же их количество просто разбросать на равнине.

Писака никогда не уставал любоваться огромными стадами бизонов и другой дичи, которые постоянно появлялись в долине и исчезали из нее. Конечно, в любое время можно было увидеть много стад, но каждое утро можно было видеть, как по краю долины по какой-нибудь узкой тропинке стекает сплошной поток бизонов, которые затем расходятся веером, торопясь к берегу реки. С ними приходили стада антилоп с равнин и белохвостые олени с поросших соснами склонов и холмов, где они устраивали свои жилища; и часто стадо толсторогов, ведомое каким-нибудь осторожным старым бараном, спускалось со склонов крутых холмов к их подножию. Но последние никогда не задерживались надолго; утолив жажду, они, не теряя времени даром, возвращались к близлежащим утесам и холмам. Кроме того, были медведи – их было много, особенно светлых гризли, которых Льюис и Кларк называли «белым медведем», и встречи с которым они боялись. Вапити и белохвостые олени также были многочисленными, особенно ниже по течению реки, где они часто паслись в больших лесных массивах. И наконец волки! Казалось, что этих огромных косматых существ были тысячи и тысячи. Днём и ночью их протяжные, меланхоличные завывания эхом разносились по долине и среди нависающих скал. В волчьем вое было что-то неопишимо печальное, что-то такое, что заставляло даже самых беззаботных людей замирать и прислушиваться. Многие люди терпеть не могли этот звук, но для истинного любителя природы он обладал особым – хотя, возможно, и не поддающимся чёткому определению – очарованием. Как звучали их глубокие, чистые, жалобные, минорные звуки в этой уединенной долине, когда сгущались ночные сумерки. Часто одинокий старый самец, сидевший на возвышающемся хребте или бесплодном холме, начинал выть. Он запрокидывал голову до тех пор, пока его длинная заострённая морда не оказывалась направленной прямо в зенит, закрывал глаза, и из его могучего горла, сквозь приоткрытые чёрные губы, обрамленные сверкающими клыками, доносился вой: 0-0-0-0-0; сначала слабый, затем нарастающий до оглушительного крещендо и, наконец, затихающий вдали. И вскоре, возможно, с дальнего берега реки доносился протяжный ответ; и, прежде чем он смолкал, другие его подхватывали: здесь двое или трое, там старая самка и её почти взрослое семейство детёнышей; а затем далеко вверх и вниз по долине и вдоль берега реки и хмурых скал, другие и ещё другие – все они пели вместе, пока неподвижный воздух не начинал дрожать от их голосов; о, никогда, никогда больше мы не услышим ничего подобного! Времена бизонов и волков навсегда канули в Лету; дни, когда те, чья душа не желала покоя, могли созерцать природу, еще не запятнанную безжалостной алчностью цивилизованного человека; дни, когда её дети, дикие обитатели лесов и равнин и еще более дикие краснокожие, были почти единственными обитателями бескрайних владений.

Был ли когда-нибудь охотник, который не сумел бы тщательно изучить каждую песчаную косу, грязевую яму и протоптанную тропинку, на которые он случайно наткнулся? Обнаруженные там следы для него – то же, что ежедневная газета для делового человека. Они расскажут ему о дичи – о её изобилии или редкости, о том, когда она прошла и куда он должен следовать, чтобы найти или обогнать её. Следует сказать, что Писака всегда был скорее книжником, чем охотником; даже если в поле зрения попадалась дичь, он никогда не проходил мимо её следов,

но волей-неволей должен был остановиться, опереться на ружье и внимательно их рассмотреть. Так получалось, что в разное время и в разных местах он замечал следы огромного гризли, у которого была кривая ступня; по крайней мере, отпечаток правой задней лапы находился почти под прямым углом к следу животного, а следы когтей почти касались линии отпечатков левых лап. Когда он рассказал об этом своим товарищам, оба, Бен и Джек, сказали, что они тоже заметили этот след. По общему согласию, того, кто оставил эти следы, прозвали «косолапым медведем».

Бен питал давнюю неприязнь к племени гризли и никогда не упускал возможности убить одного из них, часто с немалым риском для себя. Много лет назад один из них серьезно ранил его и навсегда изуродовал, и с тех пор, по его собственному выражению, он «пытался свести с ними счёты, черт бы побрал их портреты».

– Видишь, какая у меня кривая физиономия? – сказал он однажды. – Симпатичная челюсть, если смотреть сбоку; а эти красные и синие шрамы на месте того, что осталось от моего носа! Красота, верно? Как думаешь, какая-нибудь женщина вышла бы замуж за человека с такой рожей? Нет, сэр, даже последняя индейская скво. Да, когда-то я выглядел по-другому и собирался жениться на самой хорошенькой малышке из Штатов, какую ты когда-то мог увидеть, но чёртов старый медведь в самый последний момент нарушил мои планы. Видишь ли, так оно и было. Мы с Полли были бедны; она жила со своей овдовевшей матерью на маленькой ферме, которая была заложена, и у меня почти ничего не было, кроме одежды, что на мне. Но, если уж на то пошло, я был любителем поругаться и всегда рад пошуметь. Когда мы с Полли договорились сойтись, я сказал ей, да, я сказал:

– Полли, мне кажется, что первое, что нужно сделать, – это выплатить долг, и я собираюсь это сделать. Просто подожди год, старушка, и я сделаю все, что смогу. Тогда у нас будет собственный дом, и мы сможем быть не хуже прочих.

Я слышал, что на Западе водится много бобров, и я решил туда отправиться и добыть их как можно больше. Полли, конечно, расплакалась, и когда дело дошло до расставания, я чуть было не сдался, но поцеловал её и убежал так быстро, как только мог, пообещав вернуться через год и жениться на ней, независимо от того, заработаю я денег или нет. Приехал сюда, в Скалистые горы, и всё у меня пошло как надо, разве что инджуны пару раз доставляли неприятности. Той осенью я добыл мехов почти на тысячу долларов, а следующей весной раздобыл еще столько же ещё до того, как сезон наполовину закончился. У меня было достаточно денег, чтобы выплатить долг по закладной, и еще кое-что оставалось, но я сказал себе: «Продолжу, пока с мехами всё получается, заработаю еще тышчонку, чтобы купить хорошую повозку с упряжкой и пару красивых платьев для Полли».

Однажды утром я обходил свои капканы и, найдя бобра, сразу отнес его в кусты и освежевал. Ну, я как раз был этим занят, когда услышал лёгкий шум и обернулся как раз вовремя, чтобы получить удар по руке и пощечину от лапы старого гризли. Это меня неплохо усыпило, а когда я пришел в себя, то обнаружил, что у меня сломана рука и челюсть тоже. Медведь сбежал с моим бобром, и это было все, чего он от меня хотел. Конечно, всё у меня ныло и болело, и глаза еле открывались, но каким-то образом я добрался до дома поселенца, который только что поселился в тех краях, и прожил там много недель, питаюсь молоком и супом через гусиное перо, и залечивая свои раны.

Однажды я шарил по дому, что-то искал, когда наткнулся на осколок зеркала и решил все-таки посмотреть, что этот старый медведь со мной сделал. Когда я увидел себя, то чуть не упал в обморок, и понял, что со мной всё кончено, что Полли никогда не выйдет замуж за такого страшного уroda. Мне стало ужасно плохо. Мне потребовалось много времени, чтобы понять, что именно следует сделать, но в итоге получилось так, что я упаковал бобровые шкурки и отправил их Полли, и попросил владельца ранчо, у которого я остановился, написать

ей, что я умер и похоронен, убитый гризли. И именно поэтому я так люблю начинать свинцом медвежью туши.

– Но что стало с Полли? – спросил Писака.

– О, Полли? С ней всё в порядке. Несколько лет спустя я встретил парня из тех краев, и он сказал, что она была замужем за каким-то придурком, и у неё был полный дом детей. Если подумать, то я не знаю, что было бы лучше. Как, чёрт возьми, я вообще мог жить в доме, набитом детьми?

Наступил октябрь, но листья на деревьях всё ещё были зелёными, а летняя жара по-прежнему делала дни слишком тёплыми. Но охотники больше не бездельничали – они беспокойно бродили по хижине, мечтая о том, чтобы поскорее наступили холода, и они могли начать охотиться на волков. Они нашли, чем занять свое время; было объявлено о смертном приговоре старому Косолапому, и каждый день от рассвета до заката они проводили в его поисках. Во всём был виноват медведь.

Однажды вечером Бен подстрелил жирного барана в ущелье за рекой и тщательно разделал его, ибо, как известно, даже горбовые рёбра жирной нетельной бизоники в это время года не идут ни в какое сравнение с мясом толсторога. Солнце уже село, когда Бен сел в лодку и отправился на другой берег реки, чтобы позвать своих товарищей помочь ему донести добычу до лодки и подняться её в хижину, и они весело последовали за ним, причмокивая в предвкушении сочных отбивных толщиной в полтора дюйма, хорошо прожаренных, и жирных рёбрышек, подрумяненных до коричневого цвета на открытом огне. Последовал долгий и трудный подъем к подножию скалы, где, по словам Бена, лежало животное, и, спеша добраться до места засветло, они обливались потом и задыхались, когда оказались там. Но вот чудеса, барана нигде не было видно; там были только разбросанные в беспорядке голова и внутренности, но туша исчезла. На западе все ещё виднелось слабое багровое зарево, и в его свете охотники нашли хорошо знакомый след, который всё объяснил: старый Косолапый унёс тушу для своего ужина! Забавно было наблюдать за яростью Бена; он топал ногами и клялся, призывая небо и землю в свидетели, что убьёт этого медведя ещё до захода солнца.

Снова наступил вечер. Солнце село в ореоле пушистых малиновых облаков. Когда на небе появились звезды, волки затаили свой обычный печальный напев, а совы снова начали повторять тот вопрос, на который за бесчисленные века не смогли дать ответа. Ещё первобытный человек слышал из глубины своей зловонной пещеры, как они спрашивали: «Кто-кто-кто?» и, несомненно, содрогался от этих жутких звуков. Днём Джек и Писака поднялись на утёсы, чтобы поохотиться на толсторога, и результатом их усилий стало красно-белое мясо двухлетнего барана, украшавшее наружную стену хижины. На огне подрумянивались ребрышки, и проголодавшиеся охотники с нетерпением ожидали возвращения своего напарника, чтобы поставить блюдо на стол. Верный своему обету, Бен в то утро отправился на поиски Косолапого задолго до восхода солнца. Было уже довольно темно, когда скрип весла сказал о его приближении, и он вошёл, повесил свою винтовку и устало сел, не сказав ни слова. Джек поспешил выложить рёбрышки, кофе и бобы на грубо сколоченный стол, и все трое выхватили ножи из ножен и принялись за еду.

Было совершенно очевидно, что у Бена случился один из его «приступов», как называл их Джек, потому что он яростно отрывал огромные куски мяса от костей и поглощал кофе чашку за чашкой в полном молчании. Когда у него начинался очередной такой приступ дурного настроения, его партнеры по опыту знали, что лучше оставить его в покое и дать ему оттаять в одиночестве, что в конце концов и произошло под влиянием хорошего ужина, который они приготовили.

– Парни, – сказал он, набив и раскурив трубку и лениво вытягиваясь на койке, – парни, я промахнулся по нему с десяти ярдов, как бог свят. Подумать только! Десять ярдов, и притом, что он не двигался!

– Может, у твоей винтовки прицел не совсем в порядке, – предположил Джек.

– Нет, с ними все в порядке; просто подождите, и я скажу вам, как всё было. Как только стало достаточно светло, чтобы идти по следу старого вора, я пошёл и примерно через милю пришёл к тому месту, где он спрятал баранью тушу – точнее, то, что от неё осталось. Он съел довольно много, а остаток присыпал землей, травой и полынью. Как только я это увидел, то забрался на каменную полку неподалеку и спустился вниз, уверенный, что старый чёрт вскорости время забредет сюда, чтобы позавтракать. Это было первоклассное место. Я мог ждать его лёжа: эта полка была в десяти футах над землёй, а прямо у меня за спиной еще одна поднималась прямо вверх на приличное расстояние. Ну, взошло солнце, и я стал смотреть в оба, чтобы увидеть эту тварь. Вокруг паслось много бизонов, и антилоп, и еще чего-то подобного, но медведя не было. Какие-то чернохвостые оленята подходили и резвились, время от времени останавливаясь, чтобы отщипнуть побег кустарника. Они всё время наостряли уши, принимались и оглядывались назад и вперед, и по сторонам, но так и не увидели и не учуяли меня, когда проходили мимо. Вскоре появилась старая волчица и её четверо щенков – почти таких же крупных, как она – прибежали рысцой по следу старины Косолапого туда, где он спрятал мясо, и начали убирать землю и ветки. Я встал и прогнал их, и вы бы видели, как они уходили. То и дело на полку, где я сидел, падали маленькие камешки. Толстороги, подумал я; жаль, что я не могу ни одного из них подстрелить, но сегодня утром медведь был начеку. Я повернул голову и посмотрел вверх, и будь я проклят, если большой старый гризли не смотрел на меня сверху вниз. Я просто медленно лёг на спину, хорошенько прицелился в его шею. Бабахнул и сразу вскочил у побежал, чтобы не оказаться там, куда, по моим расчётам, должна была упасть эта туша в тонну весом. Но тонна не упала, даже фунт не упал; и не было слышно, чтобы кто-то стонал, царапался или бежал по скале. Так что, я огляделся, нашёл место, откуда мог забраться на вершину, и вскарабкался наверх так быстро, как только мог. Ну, ребята, я с трудом поверил своим глазам, когда увидел, что там не было ни медведя, ни крови, ни шерсти – ничего, кроме следов старины Косолапого, которые он оставил, когда брёл через холмы. Можете не сомневаться, я был не в себе! У меня было желание разбить старое ружье, но когда увидел, что прицел в порядке, я просто выругал себя и бросился по следу старого медведя так быстро, как только мог. Конечно, я скоро потерял его, когда он скрылся в траве и полыни, но я продолжал выслеживать его вдоль реки на протяжении многих миль, а потом возвращался вдоль скал, но больше его не видел. Но подождите. Я клянусь, что не сдамся, пока не спущу с него шкуру. Чего я не могу простить, так это того, что сегодня утром я по нему промазал. Я не какой-то желторотик, я не мандражирую, даже когда моей добычей должен стать инджун, не говоря уже о медведе. Как я только мог это сделать?

Джек и Писака должным образом посочувствовали Бену, даже не подозревая, что они тоже вот-вот присоединятся к нему в поисках этого медведя. Проснувшись на следующее утро, они обнаружили, что их драгоценное жирное баранье мясо больше не украшало стену хижины, а следы старого Косолапа вокруг объяснили причину его исчезновения.

– Мы должны убить его, – сказал Джек, неохотно отрезая несколько ломтиков от ломтя бекона на завтрак, – и я, например, предлагаю начать регулярную охоту на него этим утром.

Писака также выразил свое намерение заставить Косолапого отплатить за своё воровство своей кровью. Никто из охотников и не подозревал, чем закончатся их поиски хитрого старого гризли.

II

Волчатники были недовольны. Прошло несколько недель с тех пор, как они поклялись заставить старого Косолапого гризли заплатить жизнью за его воровство, но хитрый старый зверь всё ещё бродил по долине целый и невредимый. Их охотничьей гордости был нанесен серьезный ущерб, и все трое сильно разозлились из-за сложившейся ситуации. В первые дни охоты Писака обнаружил медведя, роющегося в муравейнике, и опустошил в него магазин своего Генри, но безрезультатно – разве что заставил старика бежать в горы со всех ног. Следовало помнить, что Бен промахнулся в шею и голову стоящего животного, но это не помешало ему язвительно отзываться о меткости юноши, а Джек, возвращаясь каждый вечер с долгой и безрезультатной охоты, никогда не упускал случая высказать свое мнение об охотниках, дула ружей которых дрожали, как осиновый лист на ветру. Почти каждый день в течение этого времени тот или иной из мужчин, а иногда и все трое, обнаруживали свежие следы Косолапого, так что они знали, что он не покидал окрестности. Казалось, он чувствовал себя как дома по обеим берегам реки, переплывая её туда-сюда, когда ему заблагорассудится, и, очевидно, он был заядлым путешественником, потому что, как бы далеко они ни ходили вверх и вниз по течению, постоянно находили его следы на песчаных отмелях. В конце концов, отчаявшись найти его обычными методами, охотники убили и оставили в подходящих местах несколько голов антилоп и оленей и одну-две бизоньих в качестве приманки, но в результате только волки и койоты получили немного еды. Были замечены и другие медведи, несколько из них были убиты, но что касается Косолапого, то единственное, что говорило о его присутствии, были его следы. Без сомнения, все трое охотников пожалели, что так опрометчиво дали свои клятвы. Если бы кто-нибудь из них предложил отменить эту охоту, остальные с готовностью согласились бы. Но была одна загвоздка: никто не хотел первым выкинуть белый флаг, поэтому охота продолжалась с прежним упорством.

Однажды вечером Писака наблюдал, как солнце золотит высокие дамбы и утесы, спускаясь за горизонт в багровом сиянии. Всякая дичь в основном собиралась у воды, и теперь поодиночке, небольшими группами и табунами животные покидали реку и медленно поднимались по склонам из долины. Внезапно стадо бизонов на противоположном берегу реки обратилось в паническое бегство, помчалось вверх по крутому берегу и исчезло в облаке пыли, поднятой их острыми копытами. Причина их испуга вскоре стала очевидна, потому что мгновение спустя оттуда, где они только что стояли, вышел одинокий мужчина и огляделся. «Наконец-то индеец», – подумал Писака, но, взглянув в подзорную трубу, убедился, что он ошибался – незнакомец был белым человеком. Писака поспешил в хижину, чтобы предупредить своих товарищей, и все они тут же отправились в путь на лодке чтобы побеседовать с ним. Как только путешественник увидел их, он остановился и, опершись на ружьё, стал ждать их приближения.

Он был едва ли не самым диким и странным представителем рода человеческого, с каким когда-либо сталкивался Писака, а за свою долгую жизнь на границе он повидал немало довольно странных людей. Волосы и борода незнакомца, по-видимому, не стриглись очень давно и ниспадали ему на плечи и грудь пышными, волнистыми, хорошо причесанными прядями; и то, и другое было золотисто-желтого цвета. Он был очень высоким, более 6 футов, очень худым, и стройным, и рубашка и штаны из оленьей кожи сидели на нем так же изящно, как лохмотья на чучеле; обувь представляла собой пару огромных бесформенных мокасин из оленьей кожи. Но его одежда, лицо и руки были абсолютно чистыми, что было довольно необычно в стране, где мыло редко считалось предметом необходимости; даже его старая потертая шляпа выглядела так, словно ее только что вычистили.

– Привет, незнакомец, – окликнул его Бен, налегая на весла; – как бы получше спросить, куда ты направляешься?

– Куда угодно, – ответил путешественник. – Куда угодно, лишь бы убраться подальше от инджунов и найти компанию. Есть такое?

– Конечно!

Незнакомец шагнул в воду и направился к приближающейся лодке.

– Ради бога, – воскликнул он, – скорее дайте нам что-нибудь пожевать!

Бен протянул ему плитку табака, и, стоя по пояс в воде, он откусил от неё большой кусок, закрыл глаза и глубоко вздохнул от радостного облегчения.

– Кто бы мог подумать? – спросил он, помахав плиткой в воздухе, а затем вернул её Бену с учтивым поклоном. – Кто бы мог подумать? Минуту назад терпел муки, а теперь вознёсся на седьмое небо от земного блаженства, как говорит проповедник. Незнакомец, я благодарю тебя.

Вся команда вернулась в хижину, и волчатники поставили перед вновь прибывшим добрую порцию еды. Он с аппетитом поел. Когда он поел и получил пачку табака, Джек предложил ему рассказать что-нибудь о своих приключениях.

– Вы говорили о том, что хотели убежать от инджунов, – сказал он. – Они беспокоили вас?

– Да уж побеспокоили, – ответил незнакомец. – Тот, кто кичится своей гордостью, потерпит крах, как говорит проповедник, а я, Длинноволосый, двадцать лет скитавшийся по этим равнинам и горам Запада – я как раз такой. Я хвастался, что инджуны никогда меня не одолеют, а они выбили меня из седла.

Этой весной я поднялся к Йеллоустоуну от Зелёной реки, но там было слишком много индейцев-Ворон, которые охотились и копошились вокруг, так что я просто собрался и смотрелся в Миссури. Примерно в двадцати милях отсюда я нашел место, которое мне подошло – боров полно, в долине водится всевозможная дичь, ни следа инджунов, вообще ничего, разве что пароход, который время от времени проходит туда-сюда. Вот здесь, говорю я, старина Длинноволосый устроит себе дом, и я взялся за работу и построил хижину из зеленых брёвен, и соорудил загон, чтобы загонять скот на ночь. У меня было четыре вьючных мула и отличная верховая лошадь. Всё это не заняло много времени, и я переехал. Я снова в безопасности, говорю я. Индейцам меня не сжечь, брёвна слишком зеленые, и, в любом случае, я внутри, здесь много отверстий, через которые можно стрелять, и хотел бы я посмотреть, как они выводят скот из этого загона.

– Ну, поскольку до холодов я не собирался ставить капканы, то соорудил себе шалаш и усердно трудился всё лето, добывая дрова для пароходов, но вода стояла так низко, что лишь немногие из них поднимались выше Коровьего острова, так что я их продал не так уж много, только чтобы хватило на зимние запасы и на патроны. Эти ребята с парохода знают цену деньгам. Тридцать долларов за мешок муки, чёрт возьми.

Однажды утром я бродил по холмам, и первое, что заметил – на гребне появились инджуны, примерно в полумиле; их было человек двадцать пять-тридцать – пеший военный отряд. Они заметили меня так же быстро, как я их, и рассыпались, пытаясь меня окружить, и я сразу побежал в долину, завёл свой скот в загон, а затем зашёл в хижину, запер дверь и подождал, пока они подойдут. Но они близко не подошли, оставались в лесу, примерно в 200 ярдах. Я видел, как они крались по краю поляны, и дал по ним пару выстрелов наугад, но они не стреляли в ответ. Ну, я весь день ходил от одной стены хижины к другой, выглядывая из своих амбразур, но больше ничего не смог разглядеть. Однако я достаточно хорошо знал, что они были там, в лесу, или под берегом реки, куда я ходил за водой. Что меня беспокоило, так это вода. Оба ведра были пусты, а после этой пробежки я был суше рыбы, но не решился за ней пойти. У меня было немного уксуса, примерно чашка, и я попробовал его глотнуть, но это было совсем не то.

Вскоре после наступления темноты, ещё до восхода луны, эти негодяи открыли огонь, и то, как пули вонзались в бревна, было предостережением. Я стрелял в ответ так быстро, как только мог, то с одной стены, то с другой, целясь на вспышки их оружия; довольно скоро

взошла луна, и стало так светло, что они отпрянули и перестали стрелять. Они убили двух моих мулов, но ни одна пуля в хижину не влетела. Да уж, можете не сомневаться, я вообще не спал. Я караулил всю ночь и думал, что к утру они наверняка устроят еще одну вылазку, но они этого не сделали. Как только рассвело, я заметил дымок в лесу. Позавтракать решили, да? – сказал я. Что ж, раз дело обстоит именно так, я рискну и попробую раздобыть немного воды. У меня так пересохло в горле, что язык распух.

До реки было около тридцати ярдов, где я наткнулся на след внизу на берегу. Возможно, некоторые из них лежат передо мной там, внизу, подумал я. Если это так, то они меня точно укукошат, так что я несколько растерялся и ненадолго прилёг. Подумав о риске, я каким-то образом почувствовал, что мне уже хочется пить не так сильно, как некоторое время назад. Но мало-помалу жажда стала сильнее, чем прежде, я встал и начал метаться по хижине, как дикарь, и перенес все муки проклятых, как сказал проповедник. «Вода или смерть», – сказал я через некоторое время, схватил ружье и распахнул дверь. Никого не было видно, поэтому я взял ведро и пошел. Не успел я отойти от хижины и на три шага, как увидел, как что-то мелькает в зарослях полыни и траве на краю берега. «Солнце сверкает на ружейном стволе», – сказал я. «Возвращайся, если хочешь жить», – и я так и сделал. Но прежде чем я успел вбежать и захлопнуть дверь, раздалось три выстрела, и три пули вонзились в стену хижины. «Благодаримое – лучшая часть доблести, как говорит проповедник», – сказал я. Я ни капельки не хочу пить, чёрт побери!

«Да, хочу», – сказал я через некоторое время. «Что толку себе врать? Я хочу пить, Боже мой, я хочу пить», – и я снова начал метаться по хижине. Весь уксус был выпит до доньшка. Я пошарил вокруг и нашел какое-то обезболивающее. Я попробовал на вкус и разбил бутылку об камин. То, как я пережил тот день, не сойдя с ума – это я объяснить никак не могу.

Наступила ночь. Я принял решение, что делать – что я должен был сделать. Я набил два пояса патронами и надел их; затем я положил весь ящик, около 1400 патронов, в заднюю часть камина, а сверху и перед ними сложил дрова, готовые к поджогу. Я снял ботинки, как следует завязал шляпу, чиркнул спичкой о щепки в камине, а затем схватил ружье, и с сердцем, бьющимся где-то в горле, распахнул дверь и бросился к реке, наклонившись так, словно искал следы на воде. Скажите, вы, наверное, слышали, как хлопают выстрелы, вспышки здесь, вспышки там, бах-бах-бах со всех сторон, но ни одна пуля не задела меня. Я благополучно добрался до берега и нырнул вниз головой, оставаясь под поверхностью, пока мог задержать дыхание. Когда я вынырнул, то закинул ружье за спину с помощью вот этого куса сыромятной кожи, который я надел, и перебрался на другой берег, плывя очень осторожно и медленно, чтобы на воде не было ряби. Инджуны так и не увидели меня после того, как я прыгнул в воду; они с криками бегали по берегу, что-то бормоча и стреляя, но к тому времени, как я добрался до другого берега, они бросили эту охоту, и при свете огня из открытой двери моей хижины я увидел, как они ломаются туда, чтобы её ограбить. Я замерз и дрожал, и хотел побегать и согреться, но там была небольшая ловушка, и я хотел увидеть, как она сработает, так что стоял и ждал. «Сейчас они едят мой сахар, – говорю я, – и мою патоку, и чертовски прекрасно проводят время». Я гадал, взорвутся ли когда-нибудь эти патроны из ящика? Это случилось. Большая полоса пламени вырвалась из трубы и вылетела за дверь, а потом, черт возьми, она исчезла, и всё погрузилось во тьму. Боже! как те инджуны орал с минуту, и вопили, и выли, а я в шутку орал в ответ и обзывал их всякими словами, а потом побежал босиком вверх по реке так быстро, как только мог. Когда наступило утро, я убил оленя, и пока жарились рёбрышки, сшил вот эти мокасины из его шкуры, и тогда мне стало легче. Вот, собственно, и вся моя история. Если индейцы и прогнали меня, держу пари, что кого-то из них я отправил в места с прекрасной охотой.

– Длинноволосый, – воскликнул Бен, – ты молодец! Это был самый ловкий трюк, о котором я когда-либо слышал. Ты, должно быть, убил многих из них.

– Думаю, что да, – ответил он. – Если я оказался пешим и нищим, то верен, что хорошо с ними расквитался.

– Не беспокойся о том, что останешься без гроша, – продолжил Бен. – Здесь полно еды, патронов и стрихнина, а вокруг рыщет множество волков, которые так и норовят сожрать отраву. Ты парень что надо, и, насколько я понимаю, ты можешь поучаствовать в нашем деле.

– Конечно, – воскликнул Джек, ударив кулаком по столу.

– Ну тогда добро пожаловать, – эхом отозвался Писака.

– Парни, – сказал Длинноволосый, вставая и торжественно пожимая руки всем присутствующим, и в его голосе слышалась дрожь, – парни, всё, что я могу сказать – это то, что вы белые. Старина Длинноволосый сделает всё, что сможет. Проповедник говорил, что у каждого облака есть серебряная подкладка, и, чёрт побери, он не соврал!

Волчатники усмехнулись этому странному выражению, и вскоре ко всем вернулось хорошее настроение.

– Ну что, – спросил Писака на следующее утро, – какая программа на сегодня? Еще одна охота на Косолапого?

– Косолапый? – спросил Длинноволосый. – Кто это?

– Это медведь, – ответил Бен, – чёртов хромоногий, хитрющий медведь, которого мы пытаемся убить уже месяц или больше. Но он, похоже, умнее нас.

Дело даже не в том, что он украл и съел мясо нашего барана, а в том, что мы нашли его следы, глубоко утонувшие в песке и грязи. Я готов поклясться, что он вообще никакой не медведь, всего лишь призрак, привидение, тень, как ты мог бы сказать, потому что я стрелял в него с расстояния 30 футов и промахнулся, не повредил ни шкуру, ни шерстинки, ни царапины, хотя разрядил по нему целый магазин; а в результате ничего.

– Его правая задняя лапа вывернута набок? – спросил Длинноволосый.

– Так и есть, след от нее касается следов его левых ног.

– Это он! – сказал Длинноволосый. – Это точно он; он околачивался возле моего дома всё лето и несколько раз стащил у меня хорошее мясо; , но мне так и не удалось увидеть ничего, кроме его следов.

– Что ж, – заключил Бен, – ты можешь развлечься, снова на него поохотившись; тебе всё равно нужно изучить местность и здешние тропы, и, пока будешь рыскать по округе, просто держи ухо остро, помня о нём.

Прошёл впустую ещё один день, что касалось поисков Косолапого. На самом деле, никто из волчатников не обнаружил никаких новых следов его присутствия, и было решено что он покинул эти места на некоторое время, а возможно, и навсегда.

– Ребята, – сказал Бен, после того как посуда после ужина была вымыта, и волчатники уселись перед камином, лениво покуривая. – Ребята, я весь день думал о том, что Длинноволосый был на волосок от гибели. Теперь предположим, что военный отряд проберется сюда и окружит нас, как долго, по-вашему, мы продержимся, если они тут останутся? У нас есть только одно ведро, и половину времени оно пустое; как следствие, рано или поздно нам пришлось бы уходить, и прямо там нас бы и пришлѣпнули. Прямо перед дверью растут густые заросли, где они могли бы залечь, и хороший холмик прямо за хижинкой, где они могли бы укрыться, и нам бы даже никакого представления устроить не удалось бы.

– Это верно, – согласился Джек. – Если они просто придут и нас обложат, то через несколько дней утащат наши волосы. Что ж, мы должны рискнуть.

– Да, рискуйте и доверьтесь удаче, как сказал проповедник, – прокомментировал Длинноволосый.

– И вот мы здесь, – продолжал Бен, – совершенно естественно в окружении инджунов – ассиннибойны, гро-вантры и кри к северу от нас, янктоны и другие сиу – на востоке, шайены и Вороны – на юге, а проклятые пиеганы – на западе. Это самое большое чудо в мире, что

некоторые из них еще не одолели нас; рано или поздно они это сделают, и я думаю, у меня есть план, как их одолеть. Мы можем прорыть небольшой туннель от реки прямо в эту хижину. Это всего лишь 31 ярд. Я прошел его сегодня, и для таких старых шахтеров, как мы, это сущие пустяки. Итак, что вы га это скажете?

Остальные сочли это отличным планом, и на следующее утро все с энтузиазмом принялись за работу. В лагере были только одна лопата и кирка, но они постоянно менялись местами. Джек соорудил тачку для перевозки грунта, сделав колесо из обрезка бревна хлопкового дерева, обвязанного сыромятной кожей, и привязав к ручкам бизонью шкуру. Работы были начаты у самой кромки воды, на высоком обрывистом берегу, и по мере того, как землю выносили и сбрасывали, глубокое и быстрое течение уносило её вниз по течению. В первый день удалось продвинуться на 15 футов, но после этого работа пошла медленнее. Однако через две недели работа была закончена, и выход к реке был скрыт под кучей бобровых обрезков и плавника, который волчатники собрали с помощью своей лодки. В хижине вход в туннель находился прямо под столом. Несколько коротких веток и трава, покрытые тонким слоем земли, надежно скрывали его.

Пока велись работы, то один, то другой из волчатников каждый день отправлялся на холмы в поисках признаков присутствия индейцев; с появлением Длинноволосого, которому едва удалось спастись, они стали более осторожными. Особенно внимательно следили они за поведением дичи на закате. Пока стада паслись или спокойно бродили вокруг, бояться было нечего, потому что в те дни военный отряд не смог бы пройти и половины мили по этой местности, не потревожив несколько стад бизонов, антилоп или оленей, которые разбежались бы во все стороны. Для волчатников они были показателем спокойствия и опасности. Косолапый, очевидно, покинул страну; Джек утверждал, что вид Длинноволосого его напугал.

– Есть вероятность, – сказал тот, – что он околачивается возле моей хижины ниже по реке и лакомится мясом инджунов. Когда-нибудь нам придется спуститься туда и выяснить, что же на самом деле произошло, когда взорвался ящик с патронами.

III

Зима наступила через несколько дней после того, как волчатники закончили прокладывать туннель. Однажды утром, проснувшись, они обнаружили в камине небольшую кучку снега, который за ночь напал через дымоход, а когда открыли дверь, то увидели, что разыгралась настоящая метель. С востока дул пронизывающе холодный ветер, и снег падал так густо, что противоположного берега реки не было видно. Они были в восторге от перемены; дни вынужденного безделья закончились; с этого времени и до весны они будут травить и свежевать волков.

Очень рано на следующий день после метели они отправились добыть нескольких животных и сделать отравленные приманки: Джек и Бен направились на запад, а Длинноволосый и Писака расположились на холмах к востоку от хижины. Было очень холодно; в воздухе висела тонкая, искрящаяся дымка инея, а над узкой черной полосой открытой воды в русле реки поднимались огромные клубы тумана. Метель и сильный мороз согнали с равнин необычайно много дичи. Дно и склоны долины были почти черны от бизонов, среди которых попадались светлые пятна из антилоп, которых там тоже были тысячи. Стадо чернохвостых оленей, встревоженное приближением двух мужчин, внезапно выбежало из низкой ложбины, а затем остановилось, глупо озираясь по сторонам. Но они были в безопасности; даже крупный самец с массивными рогами был слишком мал для хорошей наживки, а в те времена их редко убивали ради пропитания.

Дело в том, что повсюду в верховьях Миссури чернохвостые олени питаются почти исключительно тонкими верхушечными побегам и листьями масличного кустарника, отчего у них вздувается брюхо. Видимо, из-за этого рациона, состоящего из сухих, горьковатых побегов, их мясо становится таким тёмным и грубым, а жир – таким твёрдым, что, будучи горячим, он мгновенно застывает во рту? Их мясо, конечно, не идёт ни в какое сравнение с мясом других жвачных, которые питаются в основном травой. Волчатники были о них настолько невысокого мнения, что ни разу не подстрелили ни одного; они предпочитали мясо бизонов, иногда добавляя к нему жирного толсторога, антилопу или белохвостого оленя.

Примерно в полумиле от хижины хорошо протоптанная охотничья тропа вела с равнины в долину через разлом в окружающих скалах. Когда Длинноволосый и Писака приблизились к этому месту, небольшое стадо бизонов как раз проходило мимо, направляясь в долину. Они продолжали идти, пока не оказались прямо напротив двух охотников, а между ними не оказалась ложбина шириной около 200 ярдов.

– Пропусти эту большую корову впереди, писака, – сказал Длинноволосый, – и постарайся попасть в неё так, чтобы она упала прямо на тропу; нам не нужны приманки в оврагах.

Писака отказался стрелять.

– Ты лучший стрелок, чем я, – ответил он, – застрели её сам.

Длинноволосый вскинул ружьё к плечу и выстрелил с лёгкостью и проворством профессионального охотника. В холодном разреженном воздухе звук выстрела прозвучал очень слабо. Бах! Пуля нашла цель и сбила корову с ног, пробив плечо и попав в сердце. Достаточно ли мощны патроны 45-70, 50-110, 30-30 для медведя, для лося, для вапити? Современные спортсмены постоянно задают этот вопрос. Полная чепуха! Что было за оружие, которое практически уничтожило бизонов и так проредило гризли? Это была винтовка Генри, в которой было 28 гран пороха и 200¹ гран свинца. Это была смертоносная штука в руках охотников старых времён.

¹ 1 гран – 64,8мг (перев)

Когда Длинноволосый выстрелил, стадо, не теряя времени, помчалось обратно по своему следу. Охотники подошли к упавшей корове, перевернули её на спину, развернули голову к плечу, чтобы туша держалась в таком положении, а затем извлекли внутренности. В полости осталось много крови, и они быстро высыпали в неё две бутылки стрихнина, тщательно перемешали с быстро застывающей жидкостью и размазали по туше изнутри. Содержимое другой бутылки высыпали в глубокие порезы на теле, а также на сердце и внутренние органы. Еще до того, как они закончили, появилось несколько любопытных зрителей. Первыми прилетели две сороки, которые были настолько смелыми, что порхали вокруг мужчин, щебеча и ругаясь почти на расстоянии вытянутой руки. Следующим появился лисёнок, нюхающий воздух, наостривший уши и поочередно приближающийся и отступавший по тропе, расположенной чуть выше. Бедные создания! Они пали жертвами смертельного яда еще до того, как волчатники скрылись из виду.

Следующая тропа, ведущая в долину, проходила тремя милями дальше. Там тоже был убит и отравлен бизон, и они вдвоем спустились с холма к реке. Здесь было еще несколько бизонов, и Писака подстрелил одного, который скатился с крутого берега на песчаную отмель у кромки воды. Зимой волки много путешествовали вверх и вниз по течению реки по льду, и хотя снег выпал всего пару ночей назад, у каждого берега уже была хорошо протоптанная тропинка. Это было что-то вроде бульвара, места для прогулок, где они встречались по вечерам, чтобы попеть своим странным и меланхоличным хором. Песчаная отмель рядом с их проторенной дорогой была идеальным местом для приманки, и Длинноволосый с большим удовлетворением оглядел бизонью тушу.

– Те двое на холмах – это хорошо, – сказал он, – но здесь мы добудем самую крупную добычу. Ну вот, мы всё приготовили как надо. Пошли, нам пора домой.

Устав тащиться по глубокому снегу, они выбрали более легкий путь домой по льду, следуя по волчьей тропе. По пути они увидели место, где бизон вышел на лёд, чтобы напиться из полыньи, но обратного следа не было, а разбитый лёд на краю узкой тропы прохода объяснил причину – он проломил тонкий лёд и утонул. Многие из них погибали так каждую зиму.

Прибыв в лагерь, Длинноволосый и Писака обнаружили, что их товарищи опередили их и приготовили ужин. Каким тёплым и уютным оказалась хижина после долгого перехода по холоду и снегу! Каким приветливым был красноватый отблеск камина, освещавший все уголки помещения. И как им понравился ужин из варёных рёбер, бобов и хлеба!

Джек и Бен приготовили четыре приманки и по дороге домой обнаружили трёх мёртвых волков, лежащих вокруг туши первого убитого ими бизона. Поскольку они еще не замерзли, они освежали их и принесли шкуры домой. Это было хорошее начало и подтвердило один очень важный момент – то, что у них был хороший стрихнин.

На следующее утро выяснилось, что река замерзла, так что все перешли её и приготовили приманки на той стороне и вверх по Орлиному ручью. На следующий день были осмотрены первые приманки, и было найдено шестьдесят три волка, не говоря уже о койотах и лисицах, которые в те дни не представляли никакой ценности. Вокруг каждой приманки снег был усеян длинношерстными животными. Некоторые из них умерли, уткнувшись головами в тушу; другие успели отойти на несколько сотен ярдов, прежде чем упасть; большинство лежало в радиусе 50 ярдов. Некоторые из них были очень темного цвета, некоторые – светло-серого, а некоторые были белыми, как снег, на котором они лежали.

– Мы уверены, что нам повезёт, – сказал Бен тем вечером. – Давайте посмотрим: пять раз по шестьдесят три – на триста пятнадцать долларов шкур за два дня, приманки по реке ещё не посчитали. Если бы мы могли продолжать в том же духе всю зиму, то следующей весной стали бы миллионерами.

– Господь умеряет пыл стриженной овцы, как говорит проповедник, – заметил Длинноволосый. – Похоже на то, что я смогу заработать достаточно, чтобы купить ещё нескольких выючных мулов, верховую лошадь и новое снаряжение.

Теперь дни летели быстро, один был похож на другой. Когда было хорошо, волчатники бродили среди своих приманок, с большим удовлетворением отмечая, что вокруг них накапливалось всё больше волков. Когда было очень холодно или штормило, они оставались в своей уютной хижине, счастливые и довольные. Их ничего не беспокоило. По мере приближения сезона все меньше и меньше волков становилось жертвами смертоносных приманок – может, потому что большая часть тех, кто находился поблизости, уже отведала отравленного мяса, или же потому, что выжившие стали более образованными и с опаской относились к столь соблазнительно предлагаемой им пище. Естественно было бы предположить, что при виде множества его сородичей, лежащих неподвижно рядом с приманкой, любой здравомыслящий волк испугался бы и немедленно отправился в другие места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.